

В пожизненном долгу

От той поры остались на виске
Седины — как на дереве засечки...
Висела жизнь моя на волоске
У тундровой обледенелой речки.
Подпаском нас гнала по свету смерть,
И белую медведицей над нами
Метельная слепая круговерть
Рычала, выла, плакала ночами.
И с каждым часом стягивали дни
Вкруг наших чумов снежные ремни.

Усталый, обескровленный войной,
Народ мой бился, словно куропатка,
Покуда смерть кружила над землей,
Но зажурчал ручей в тиши распада.
Я был разбужен пением весны
И все еще не верил в это чудо...
Слизнуло солнце горестные сны —
И я подполз к дверям родного чума,
Как будто одолел огромный век,—
И солнце увидал сквозь щелки век.

Снег таял, тек, бурлил и клокотал,
И как медведь, от спячки просыпаясь,
Целебный воздух жадно я глотал,
Тепло и свет в себя вобрать пытаюсь,
И чувствовал, что крепче и сильней
Становятся и грудь моя, и руки...
И вдруг услышал диких лебедей
Высокие клекочущие звуки.
Несли четыре медленных крыла
Поющих первых вестников тепла.

Я их увидел прямо над собой:
Как верные каюры¹ стаи птичьей,
Над северной весенней землей
Они летели с миром и величием.
Летели, клекотали ветру в лад,—
Началом жизни, с облаками вровень...
Я знаю, старцы в тундре говорят:
Не запятнай следы лебязьей кровью!
Ведь лебедь, как весна, храним и свят...
Но я забыл, что старцы говорят...

Я был в то время голодом пленен,
А не пустым охотничьим азартом,
И неспроста подсказывал мне он
Скорей, скорей ползти к отцовским нартам.
Собою не владея в этот миг,
Прижав к плечу кремневое ружьишко,
Щекой к прикладу старому приник
Ослабший, бледный маленький мальчишка.
И лебедь был убит, как утка, влет.
И стал кровавым синий небосвод.

Я выжил. Я опять набрался сил.
Но не могу забыть поныне то, что
За жизнь свою убийством заплатил —
От этого и больно мне, и тошно.
Я лебедей, как душу, берегу,
Приветить я готов любую стаю,
И все-таки в пожизненном долгу
Себя я перед птицами считаю.
И благодарным взглядом каждый год
Я провожаю гордый их полет.